

Н.Г. Краснодембская

ОБ ОПЫТЕ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ В СИНГАЛЬСКОЙ СРЕДЕ

Часть I. Из уроков Людмилы Мерварт. Начало XX в.

Статья посвящена яркому эпизоду этнографической экспедиции в Южную Азию в 1914–1918 гг. супругов А.М. и Л. А. Мерварт. Давая оценку результатам полевой работы членов экспедиции, автор фокусирует внимание на том, как им удавалось реально сблизиться с местными семьями, войти в их дома, завести не только официальные контакты, показывает, как они решали эти задачи, сложные для этнографа даже в родной этнической среде. В восточном же обществе проблема установления доверительных контактов с местными жителями многократно увеличивается. Поэтому богатый и положительный опыт полевой работы Мервартов на Цейлоне (ныне — Шри Ланка) автор считает полезным и для современных этнографов-полевиков. Предполагается и вторая часть статьи, где автор собирается описать собственный путь в народную среду ланкийцев.

Ключевые слова: Южная Азия, Шри Ланка, собиратели МАЭ, полевые исследования, Мерварт Александр, Мерварт Людмила, южноазиатские коллекции МАЭ.

Ярким эпизодом этнографической экспедиции МАЭ в Южную Азию в 1914–1918 гг. была работа на Цейлоне (ныне — Шри Ланка), куда участники экспедиции Александр Михайлович и Людмила Александровна Мерварты (рис. 1, 2) прибыли к началу лета 1914 г. Отсюда начиналось их трудоемкое и насыщенное научное путешествие по региону, здесь они впервые вырабатывали и на практике применяли методы своей полевой работы в изучаемой этнической среде, способы сбора полезной информации и коллекций для музея. К тому же им с первого взгляда понравилась страна, ее люди (рис. 3, 4), и в их изучение они вложили свежий энтузиазм и мощный заряд любознательности, еще не омраченные приближавшимися трудностями, связанными с началом Первой мировой войны.

Остановившись сначала в Коломбо (рис. 5, 6), участники экспедиции супруги А.М. и Л.А. Мерварт сразу же развили бурную деятельность. Они начали изучать местные языки: она — сингальский, язык основного населения острова, он — тамильский, принадлежащий второй по численности этнической группе в национальном со-

ставе страны. Подробным и внимательным образом они ознакомились с богатыми коллекциями Национального музея (рис. 7, 8), где сосредоточены археологические и этнографические материалы, характеризующие историю и культуру живущих на острове народов. При этом Мерварты фотографировали самые интересные предметы и составили богатую фототеку из позитивов и негативов, которые позже были доставлены в МАЭ и хранятся там поныне (признаемся, эти материалы все еще мало введены в научный оборот). Напряженную работу в музее они совмещали с постоянными поездками по прибрежным городам и селениям, с выездами к памятникам древней культуры островитян. И с самого начала вели собирательскую работу¹. Они старались выделить и приобрести то, что типично, наиболее характерно для местной жизни и культуры. Их интересовали многие аспекты: материально-бытовой уклад, ремесленные традиции, социальные нормы, мировоззрение и религия, верования и фольклор.

Но очень скоро они почувствовали, что «добраться до глубин» народной культуры совсем не просто. Во-первых, они быстро заметили, что жители Коломбо и других городов и селений на юго-западной равнине, где они поначалу и вели работу, заметно изменили свой традиционный быт, во многом переняли и стремятся перенимать европейские обычаи. В книге «В глуши Цейлона» Л.А. Мерварт сообщает: «Сингалцы (теперь в русском языке принято употреблять слово *сингалы*, более близкое к самоназванию этого народа — *синхала*. — Н.К.) города Коломбо в значительной степени европеизированы, они даже дома стараются жить по-европейски. Часть города, особенно ими облюбованная, называется Коллупития. Это прежний голландский квартал. Беленькие домики, каждый в отдельном саду, с террасой, с колоннами, с цветником впереди, напоминает обычную голландскую постройку. Внутри много голландской тяжелой мебели, попадаются даже отдельные португальские вещи XVII столетия, и живущие в этой европейской обстановке люди привыкли пользоваться креслом и диваном, держать посуду в буфетах, есть с фарфоровых тарелок, даже умываться в тазах из синего дельфта.

---

¹ К сожалению, первая собранная ими коллекция, содержавшая маски, инструменты ремесленников и многое другое (около 1000 предметов) и отправленная в МАЭ почтой, затерялась из-за войны.

Рис. 1. А.М. Мерварт
на Цейлоне.
Фото Б.П. Кадомцева

Рис. 2. А.М. Мерварт
на берегу.
Фото Б.П. Кадомцева

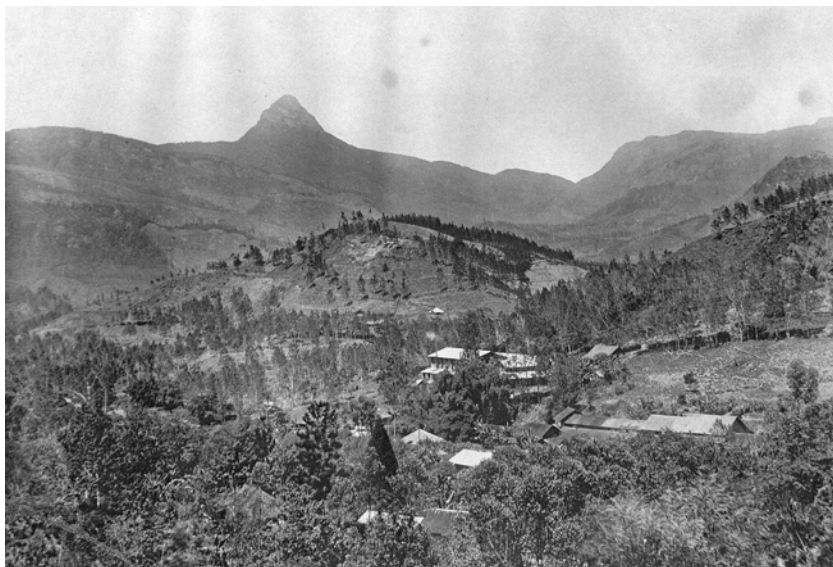

Рис. 3. Адамов пик. Цейлон. Начало XX в. Фото А.М. и Л.А. Мерварт

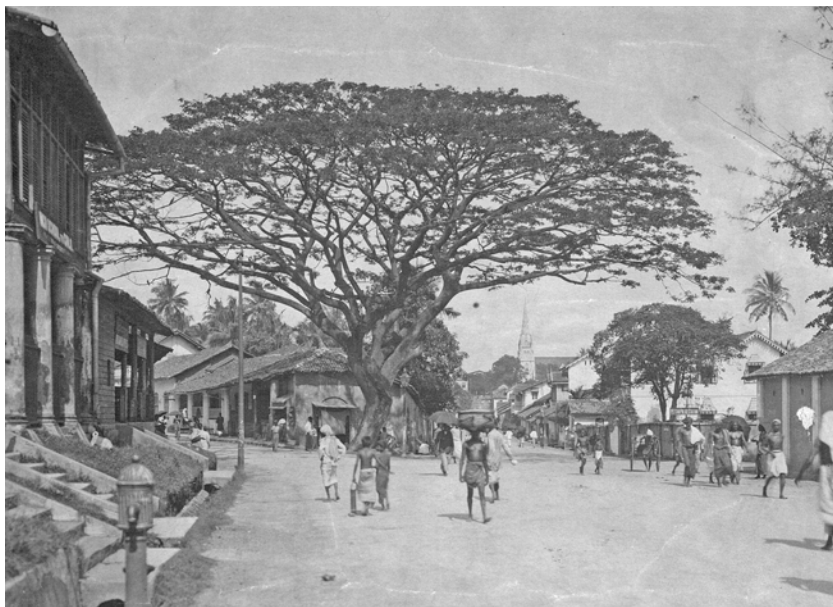

Рис. 4. Петта — часть города Коломбо. Цейлон. Начало XX в.
Фото А.М. и Л.А. Мерварт

Рис. 5. Улица под фиговым деревом. Цейлон. Начало XX в.
Фото А.М. и Л.А. Мерварт

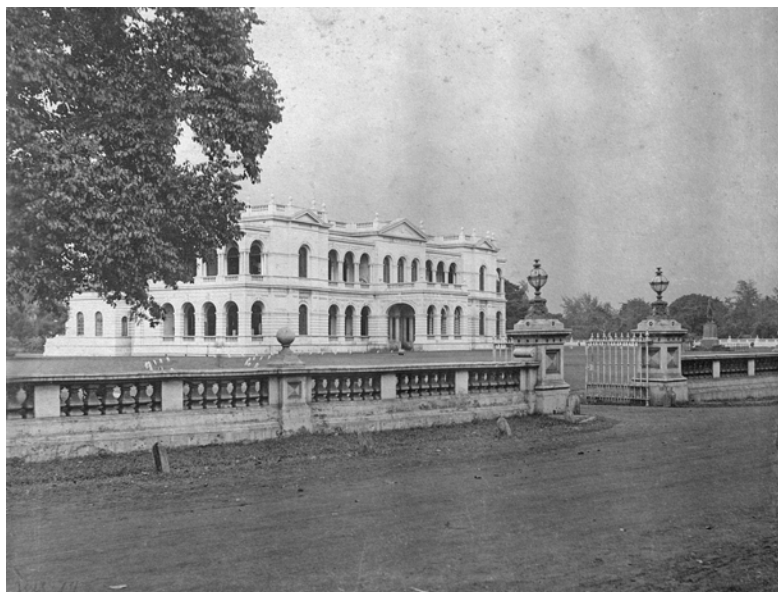

Рис. 6. Национальный музей в Коломбо. Цейлон. Начало XX в.
Фото А.М. и Л.А. Мерварт

Рис. 7. Храм бога
Катарагамы
в комплексе Храма
Зуба Будды. Канди,
Цейлон.
Начало XX в.
Фото
А.М. и Л.А. Мерварт

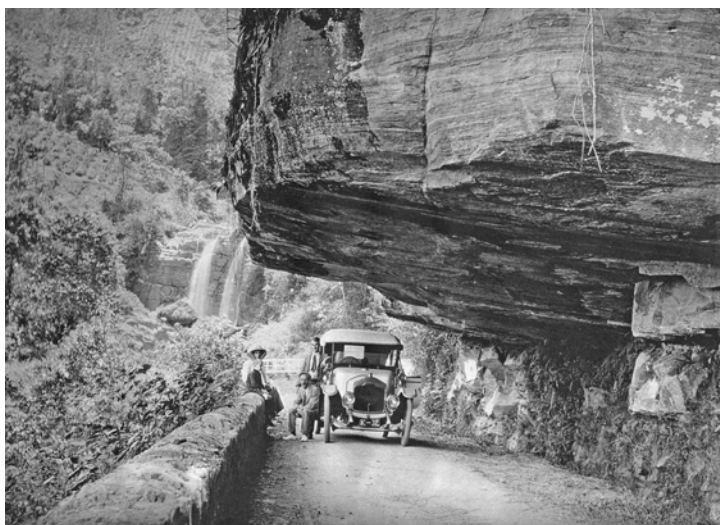

Рис. 8. Горная дорога, построенная англичанами. Цейлон.
Начало XX в. Фото А.М. и Л.А. Мерварт

Женщины носят белые блузки с круглым вырезом, застроченные в складочки и отделанные кружевами и швейцарским шитьем» [Мерварт А.М., Л.А. 1929: 27]. «В деревнях приморской низменной полосы, — продолжает она, — сингальское тесно перемешано с тамильским, голландским, португальским, теперь и английским. Страна эта очень богата, и все завоеватели последовательно оседали в ней» [Там же].

Во-вторых, нашим этнографам все же не удавалось реально сблизиться с местными семьями, войти в их дома, завести не только официальные контакты. Это всегда, как мы знаем, непростая задача для этнографа, даже если он работает в своей родной этнической среде. В восточном же обществе проблема установления доверительного контакта с местными жителями многократно увеличивается. Замечу, что эта задача была непроста на Цейлоне во время Мервартов и актуальна в современной Шри Ланке. «С улицы» к этим людям запросто не придешь. И будет большой удачей, если подобные связи и отношения удастся установить.

В обществах Южной Азии, как в Индии или Непале или других странах, так и в Шри Ланке, почти все жизненные задачи и проблемы индивида находят разрешение в семейно-родственном кругу. В частности, кастовая система, которая так или иначе проявляет себя в этом мире, способствует тому, что отдельные ячейки общества (этнические группы, касты, родственные образования) достаточно замкнуты. Все богатство отношений и связей реализуется в их внутреннем кругу, внешние же контакты ограничены, подчинены особо строгим правилам, сдержанны и по большому счету формальны. Тут барьеры мало преодолимы, тем более для чужака-иностранца. Мерварты ошутили это в полной мере.

Вскоре они поняли, что для изучения исконных быта и нравов им следует перебраться в центральную, горную область Цейлона (рис. 9, 10, 11). Когда стало «ясно, что искать родовое сингальское в Коломбо было напрасно», Мерварты стали помышлять о поездке в горный город Канди. Это один из старинных центров культуры сингалов, последняя столица их царства, удерживавшего свою независимость до 1815 г. Сами прибрежные сингалы отправляли их туда, считая, что там сингальские традиции сохранились в большей чистоте. На многие вопросы наших этнографов жители прибреж-

Рис. 9. Деревушка
в западном приморье
Цейлона.

Начало XX в. Фото
А.М. и Л.А. Мерварт

Рис. 10. Хижина с верандой в прибрежной полосе. Цейлон.

Начало XX в. Фото А.М. и Л.А. Мерварт

Рис. 11. Сбор чая. Цейлон. Начало XX в. Фото А.М. и Л.А. Мерварт

ной зоны отвечали: «Об этом надо спросить кандийцев. У нас уже приняты английские обычаи» [Там же: 27].

Но мало было просто переместиться географически. Людмила Мерварт сознавала, что нужно обрести особое доверие в местной среде. «Когда я ехала на Цейлон, мне казалось так легко подружиться с возможно большим числом сингалцев, познакомиться с их бытом, принимать участие в их жизни, наблюдать и расспрашивать, — пишет она. — Притом было совершенно ясно, что так как хранителями старины являются обычно женщины, то именно к ним и надо обращаться. Поэтому с первого же дня приезда я все время старалась встречаться с сингалками. Но тут-то и начались мои затруднения» [Там же]. «Я могла встречаться с мужчинами, сколько мне было угодно, я могла иметь учителя сингальского языка, секретаря, слугу; я могла встречаться с разными чиновниками, торговцами, но женщин я видела на улицах, на порогах их домов,

познакомиться же с ними я не могла, так как не могла ни одну из них шокировать тем, что подошла бы к ней сама» [Там же: 29].

Это происходило вовсе не потому, что сингальская женщина скрывается от внешнего мира. Но ее епархия — преимущественно домашняя среда, внешние необходимые контакты обычно осуществляют мужчины дома. Так оно и теперь: взять газеты от почтальона, узнать, с какой целью появился у дома незнакомый посетитель, обычно выйдет мужчина, хотя бы мальчик, и только в последнюю очередь кто-то из женщин. Это проявление древней коренной функции: мужчина — защитник, охранник семьи, дома.

Людмила Мерварт свидетельствует: «Кандийка отнюдь не прячется, у них совершенно не существует затворничества. Даже по древнему сингальскому обычаю женщина гораздо равноправнее с мужчиной, чем до недавнего времени были ее английские сестры, но европейцев они чуждаются. Когда же у губернатора я познакомилась с разными вождями и их женами, <...> то некоторые из этих дам пригласили меня к себе и принимали меня в убранных на совершенно европейский лад гостиных, угощали чаем из английских фарфоровых чашечек и бисквитами фирмы Huntley and Palmers. Они задавали мне стереотипные вопросы и старались держаться как настоящие англичанки. Впрочем, я видела, что гостиные эти обычно необитаемы и что хозяйки чувствовали себя в них неуютно. Когда они приезжали ко мне, <...> то это тоже получались заправские визиты, и я увидела, что мне нужно идти другим путем» [Там же].

Л. Мерварт понимала, что ей нужно попасть в местную семью, причем не городскую, а деревенскую. Но кого она ни расспрашивала из своих английских знакомых о том, как этого добиться, все отвечали, что это совершенно невозможно, что сингалы горды и осторожны и их контакты с чужаками не выходят за рамки формальности и официоза. А если их и приглашают в дом, то обычно не дальше веранды. И наш этнограф начала придумывать собственные средства достижения необходимой цели: она стала расспрашивать своего учителя сингальского языка, каков у них свой, сингальский, обычай приема гостей. Хотя этот сингал служил в канцелярии английского губернатора, его семья оставалась жить в одной из кандийских деревень.

И вот, разузнав у этого знакомого подробности о местных обычаях гостеприимства и правилах приема гостей, Л.А. Мерварт начала с того, что пригласила к себе его жену и мать. Постаралась соблюсти все этикетные моменты: при встрече поднесла гостям блюдо со срезанными цветами, и дамы, взяв по цветку, украсили ими свои прически. Говорила с ними на сингальском языке — впрочем, женщины никакого другого и не знали. Почтив гостей цветочным подношением на веранде, она тут же пригласила их внутрь дома, угостила их чаем с собственноручно приготовленными по-русски вареньем и пирожками. Таким образом, она и проявила особое уважение к гостям и показала, что живет по собственным, не английским, обычаям. Прощаясь с дамами, снова на веранде, она осуществила жест магического благопожелания по-сингальски: вложила каждой из них правой рукой в правую руку по круглому плоду местной разновидности лимона (символ благополучия и процветания). Проявление подлинного уважения, знание их языка и обычаев произвело на гостей Л.А. Мерварт такое впечатление, что уже через два дня они пригласили ее к себе в свой городской дом. И принимали уже не на веранде, а в комнатах, и угощали не чаем и бисквитами, а кокосами, рисом и какао (модный тогда у сингалов напиток). Так, полдела было сделано — установлен неформальный контакт.

Вскоре последовало еще более теплое проявление внимания и заботы: Александр Михайлович Мерварт должен был на пару дней уехать в Коломбо, а Людмила Александровна, «как всякая почтенная сингалка, не хотела оставаться одна в гостинице» [Мерварт А.М., Л.А. 1929: 30]. Еще один важный момент: исследовательница позаботилась о том, чтобы не нарушить местных этических норм, — это всегда чрезвычайно важно. Чужаку многое простят, но неподобающее по местным понятиям поведение будет отмечено окружающей средой и, несомненно, вызовет отторжение. Дружить с таким не захотят. А правильная линия поведения (достойная одежда и поступки) может завоевать расположение. Так и произошло в описываемом случае: на время отсутствия мужа знакомые дамы пригласили Людмилу Александровну погостить у них в деревне. Это была настоящая победа!

В то время еще не был построен мост, благодаря которому теперь путь от Канди в деревню Ампитию имеет длину примерно 4–5 кило-

метров. Тогда это была сельская дорога, проходившая через джунгли, раза в два длиннее, и преодолевала ее Людмила Александровна на рикше. В пути она размышляла, как бы устроить так, чтобы пожить деревенской жизнью не пару дней, а подольше... Обстоятельства ей благоволили: произошли некоторые мелкие события, которые в местной среде рассматриваются как хорошие приметы. Сначала со склона у дороги сползла кобра, напугавшая возницу, но не нашу путешественницу, которая, наоборот, приблизилась к еще невиданной твари, чтобы получше рассмотреть ее. А та, не причинив никому вреда, вскоре уползла обратно в лес. Рикша потом живописал селянам, как царица джунглей вышла «принести покорность» приезжей и не посмела пересечь ей дорогу. Это произвело впечатление. Затем ласточка свила гнездо под карнизом комнаты гости (не без некоторых ее ухищрений в виде предложения птичкам нащипанной ватки и соломки), что тоже было особым знаком. Когда же Людмила Александровна излечила маленькую девочку из семьи хозяев дома от тяжелого нарыва, все убедились, что путешественнице покровительствуют добрые силы. Так что ее присутствие в деревне могло рассматриваться как благое. Через несколько дней она телеграфировала мужу в Коломбо, что остается в деревне на несколько месяцев [Там же: 33].

В 2013 г. автору данной статьи удалось побывать в той деревне, найти место, где стоял дом, в котором жила Л.А Мерварт, встретиться с потомками семьи, что гостеприимно принимала нашего этнографа. Воспоминания о ней все еще хранились у этих людей. И они сообщили нам еще одну подробность: как названный член семьи, Людмила Александровна внесла свою денежную лепту (солидную, как все еще вспоминали здесь) на ее содержание.

Заняв таким образом твердое положение «члена семьи», Л.А. Мерварт с самого начала стала участвовать во всех семейных делах и заботах, которые приходились на долю женщин. «Большая часть жизни дома протекает днем, когда мужчины уходят на службу и в школу, — сообщает Людмила Александровна, — в кухне и сених, а также в саду около дверей в сени. <...> Каждое утро двое мальчиков-слуг выносили на эту площадку большую деревянную ступку, в которой они и все мы, четыре женщины дома, по двое вместе, толкли тяжелым деревянным пестиком потребное на день

количество риса» [Там же: 35]. Участие в повседневных работах способствовало получению этнографической информации, так как «именно за работой больше всего и проще всего удавалось беседовать» [Там же: 36]. Людмила Александровна научилась готовить местные блюда так успешно, что ее ставили в пример молодой женщине, незадолго до того вышедшей замуж в эту деревню. И, конечно, она преимущественно общалась с местными жителями на их языке, постоянно в нем совершенствуясь.

Семья, пригласившая Л.А. Мерварт в гости (в книге они названы Велигодами), занимала в той деревне лидирующее положение. Велигоды были семьей обеспеченной и, в частности, не обрабатывали своих земель сами, в отличие от других деревенских жителей, которые самостоятельно выращивали рис. Велигод уважали, приходили к ним за советом и конкретной помощью. На их веранде вечерами собирались для бесед, обсуждения текущих деревенских дел, видов на урожай, местных происшествий, текущей войны. Также вели беседы на религиозные темы и коллективно прослушивали сказки. Дом, обычно в дневное время, как положено, посещали монахи из соседнего монастыря, их принимали во внутренних помещениях. Они вступали в беседу с Людмилой Александровной, любопытствуя, как она заинтересовалась буддизмом, сами же расспрашивали ее о христианстве. Так что этнографические труды нашей исследовательницы прекращались только на время ее сна.

Несколько месяцев, проведенных на правах своей в названной деревне, дали очень важные результаты в работе. Удалось узнать, как устроен деревенский и домашний быт, как распределяются социальные роли в деревне, в деталях описать устройство традиционного жилища (в частности, своеобразное устройство кухни), предметов домашнего обихода, традиций питания — все по конкретным наблюдениям. Большое внимание было уделено важнейшим ремеслам — гончарству и плетению, так как без предметов этого типа не обходится ни один сингальский дом.

Людмиле Александровне предоставили комнату, выходящую непосредственно на веранду, которая «видимо, служила кабинетом хозяину², поэтому в ней был простой большой деревянный стол, та-

---

² Типичный момент. И теперь обычно хозяин дома располагает таким отдельным помещением, которое можно считать и кабинетом, и сторожевым помещением, так

кой же стул и лавка. Одно окно выходило в палисадничек на улицу, на ночь оно закрывалось тяжелыми деревянными ставнями снаружи. На полу лежала чистенькая циновка, плетенная из широких полосок пальмовых листьев». «Я поставила еще складную походную койку с пологом от москитов, — сообщает Л.А. Мерварт, — а свое складное кресло оставила на террасе, зная, что она — обычное место вечерних собраний деревни» [Мерварт А.М., Л.А. 1929: 34]. Маленькая хитрость этнографа вполне оправдывала себя: ни одно из более или менее важных событий в доме не могло пройти мимо нее.

Очень важно подробное описание устройства типичного сингальского дома, которое во многом сохраняется и теперь, хотя отчасти варьируется. Особенно интересны подробности характерной мебелировки: Л.А. Мерварт первая обратила внимание на такую черту сингальского быта, как присутствие значительного количества мебели европейского типа (влияние европейского присутствия на острове, начиная еще с португальских ремесленных традиций).

Людмила Александровна детально описала употребительную домашнюю утварь и посуду, впервые в европейской науке выявив ее основные типы и функции. Обнаруженные типы традиционной глиняной утвари Мерварты проиллюстрировали собранными для МАЭ коллекциями, сопроводив эти сборы описанием наблюдавшейся ими технологией их изготовления. Ценно также свидетельство о традициях парадной расписной кандийской керамики, коллекцию которой им также удалось собрать [Краснодембская 1969]. Важны сообщения о том, как используются плетеные изделия разного типа, что тоже проиллюстрировано собранными коллекциями.

Именно здесь, в деревне, удалось подробнее изучить традиции одежды, питания, бытовых привычек сингалов — эти сведения очень ценны для их исторической этнографии, так как они мало фиксировались какими бы то ни было свидетельствами и источниками.

Значительную долю внимания Людмила Александровна уделила изучению конкретных отношений мирян и монахов в реальном жизненном процессе, их взаимодействию в различных сферах — от собственно религиозной до мирской. Описала их роли, этикет общения. Непосредственно изнутри ей удалось увидеть, как проис-

---

как отсюда прекрасно обозревается вход в усадьбу и сам дом. Обязанность главы семьи — быть первым на защите ее членов.

ходит воспитание и образование детей в этой среде. В частности, в контексте привносимых английских традиций школьного обучения.

Л.А. Мерварт первой из исследователей обратила внимание на характерную особенность социальных отношений у кандийских сингалов — высокое положение женщины в их среде, независимый характер сингалок³. «С первого же дня, — читаем у Л.А. Мерварт, — меня поразило господствовавшее в доме изысканно вежливое, прямо рыцарское отношение к женщинам. Правда, они делали свою работу, но если хозяин, его сыновья или мальчишки-слуги видели, что им трудно что-нибудь поднять или поставить, то сейчас же бросались им на помощь... Кроме того, бросался в глаза вежливый почтительный тон, употреблявшийся мужчинами по отношению к женщинам. Уже через несколько дней я убедилась, что это распространенное среди кандийцев явление; недаром титул замужней женщины — *меникэ* (драгоценность). Среди кандийцев редко можно услышать даже грубое слово по отношению к жене» [Мерварт А.М., Л.А. 1929: 37].

Также впервые Людмила Александровна выявила и описала традиции сингальских брачных отношений, прежде всего сосуществование патрилокальной и матрилокальной форм брака (*дига* и *бини*), причем распространенность второй формы значительна. В частности, в семье, где она жила, хозяин дома, если использовать русский термин, был *примаком*. Интересно, что та же картина наблюдалась нами в этой семье и спустя сто лет. Отмечено Л.А. Мерварт было и существование (в пережиточном виде) в сингальской среде редкой нормы брака — *полиандрии*, в ее *братской* форме, а также — в основном в высших сословиях — *полигамии*. Также исследовательница сообщила и главные сведения о правилах наследования (рис. 12).

Л.А. Мерварт были описаны процессы сельскохозяйственного труда, выращивания риса, создания террасированных полей. При этом сообщались и некоторые народные приметы, суеверия и табу — то, что лучше узнается, когда ты находишься в гуще народной жизни.

---

³ Эта черта сохраняется и в наше время: можно даже говорить о высоком статусе женщины в сингальском обществе в целом, но у горных сингалов это особенно заметно и подчеркивается некоторыми специфическими средствами.

Рис. 12. Три вождя (ратемахатмая) Кендийской области в праздничных костюмах. Цейлон. Начало XX в.
Фото А.М. и Л.А. Мерварт

Изучая местный буддизм, в том числе в этой деревне, Мерварты выявили существование ярких народных культов — астрологического и демонического. А вечера, проведенные Людмилой Александровной на веранде, где собирались на беседы чуть ли не все жители деревни, позволили ей познакомиться и с местным фольклором.

Таким образом, Мерварты были провозвестниками метода «вживания в этническую среду», который стал применяться этнографами во второй половине XX в. Наши ученые использовали этот метод очень плодотворно.

Безусловно, большое значение для этнографа имеет способность к эмпатии, и Мерварты ярко проявили эту способность в своей полевой работе. К изучаемому народу они чувствовали искреннее расположение. Также велико было их собственное желание понять этих людей, прочувствовать их внутренний мир. Очень скоро они нащупали одну важную «струнку» в мировосприятии современных им сингалов: постоянное ощущение теми некоторой униженности в обстоятельствах колониального правления на острове и в то же время затаенное чувство собственного достоинства, гордости за свою традиционную этническую культуру. Поэтому в их поведении проявлялось, с одной стороны, стремление «не ударить лицом в грязь», быть на уровне чужих культурных стандартов (кто-то из местных даже старался мимикрировать к этой культуре полностью).

С другой стороны, дорожа своим, родным миром, с его укладом, обычаями, ценностями, они старательно прятали его от чужих глаз.

Пренебрежение колониальных властей к местным культурным ценностям в общем смысле, а также проявляемое многими, не самыми умными, представителями колониальной администрации, торговцами и плантаторами в обращении с местными жителями, было распространенным явлением. Сами Мерварты очень остро почувствовали это с первых дней пребывания на Цейлоне. «Странно было смотреть, — сообщают они, — как ничтожная кучка ничем не замечательных людей требовала от почтенных сингалцев и тамиллов такого раболепства, что мы вначале просто отказывались верить глазам. Ведь туземцам было даже запрещено кататься в карете по “Марине”, то есть широкой дороге вдоль моря, излюбленному месту прогулок белого населения Коломбо. Бывали случаи, что вновь испеченные английские божки из приказчиков или плантаторов избивали мирных и уважаемых туземных граждан лишь за то, что они осмеливались пройти мимо английских господ с раскрытыми зонтиками. Это истолковывалось как выражение неуважения к белому человеку» [Мерварт А.М., Л.А. 1929: 6–7]. Приводят наши этнографы и другие факты проявления беспардонности и высокомерия подобных «царьков» из колониалистов в отношении к коренным жителям Цейлона. Конечно, не все европейцы вели себя подобным образом, но общая атмосфера была неприглядна.

Так, и в отношении собственно культурных ценностей и реалий, разумеется, были люди из британцев (и увлеченные, и талантливые), кто изучал историю страны, языки ее населения, памятники старины и письменное наследие, но в широкой массе пришельцы часто относились с презрением ко всему этому. «Нас поражало прежде всего, — отмечают Мерварты, — глубочайшее невежество рядовых англичан, мужчин и женщин — последних в особенности, — во всем, что касается быта, мировоззрения и верований того народа, среди которого им приходится жить и за счет которого они существуют. Нечего и говорить, что сингалец или тамил со средним образованием знает об Англии и английском быте во много раз больше, чем англичанин о Цейлоне и о жизни туземного населения, даже после тридцатилетнего пребывания в стране» [Там же: 7].

В свете сказанного очевидно, что линия поведения Л.А. Мерварт, демонстрирующая уважение и даже особый интерес к местным традициям, исконной сингальской культуре, многократно оправдала себя. Причем отметим, важнейшее значение имела искренность такого поведения. Фальшь почувствовали бы мгновенно. Сингалы имеют развитую культуру общения, тонкий этикет, обладают достаточно богатой способностью к эмпатии и очень неплохо распознают чувства (а в отдельных случаях — и мысли) других людей.

Библиография

Краснодембская Н.Г. Расписная сингальская керамика в собраниях МАЭ // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л.: Наука, 1969. (Сб. МАЭ. Т. 25). С. 195–212.

Краснодембская Н.Г. Цейлонская коллекция МАЭ (экспедиция Академии наук 1914–1918 гг.) // Культура народов Зарубежной Азии. Л.: Наука, 1973. (Сб. МАЭ. Т. 29). С. 158–171.

Краснодембская Н.Г. Рисунки сингальского культа «бали» // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1980. (Сб. МАЭ. Т. 35). С. 135–143.

Краснодембская Н.Г. Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования). М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1982. 213 с.

Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обитатели снегов. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1983. 108 с.

Краснодембская Н.Г., Калинин И.В. О технологии изготовления сингальской керамики (по коллекциям МАЭ и полевым материалам) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. (Сб. МАЭ. Т. 61). С. 77–99.

Краснодембская Н.Г. Традиции плетения у сингалов (предварительное исследование по коллекциям МАЭ и полевым материалам) // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. (Сб. МАЭ. Т. 61). С. 123–141.

Мерварт А.М., Мерварт Л.А. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л.: Академия наук СССР, 1927. 24 с.

Мерварт А.М., Л.А. В глуши Цейлона. Л.: Изд-во П.П. Сойкина, 1929. 68 с.

Иллюстрации к статье подобраны Е.С. Соболевой, которой автор выражает глубокую благодарность.

**ON THE FIELD RESEARCH EXPERIENCE AMONG THE SINHALESE.
PART 1: FROM THE EXPERIENCE OF LUDMILA MEERWARTH**

Krasnodembskaya Nina G.

Describing the ethnographical fieldwork made by A.M. and L.A. Meerwarth in South Asia in 1914–1918, particularly in Sri Lanka, the author concentrates her attention on their methods to introduce themselves into local society and shows their success in the decision of this serious problem which is never easy for ethnologists even in their own ethnic surroundings. And she is sure, their rich and positive experience may be useful for the modern field working specialists. Later she proposes to write also about her own way and methods she used to become trustworthy among the people of South Asia whose folk culture she studied.

Keywords: South Asia, Sri Lanka, collectors for MAE, ethnographical field research, Meerwarth Alexander, Meerwarth Ludmila, South Asian collections in MAE RAS.